

**П. В.
АННЕНКОВ**

**МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ
А. С. ПУШКИНА**

**П. В.
АННЕНКОВ**

**МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ
А. С. ПУШКИНА**

8

371

«Современник»

Москва

1984

Осень 1833 г. Поездка в Оренбург и Болдино: Стихотворение «Странник», написанное на Черной речке. — Пушкин получает разрешение ехать в Казань и Оренбург, заезжает в Болдино

мошних дел, которые сильно беспокоили его. По возвращении своем в Петербург он написал к П. В. Нащокину письмо, которое вкратце передает почти все, что гораздо подробнее рассказано нами прежде: «Сие да будет моим оправданием, — пишет он, — в неаккуратности. Приехав сюда, нашел большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанимать новую квартиру и, следственно, употреблять суммы, которые в другом случае остались бы неприкосновенными... Долг получишь в январе, как я уже распорядился, продав Смирдину второе издание «Онегина». Sur ce (засим (франц.). — *Ред.*) — поговорим о деле. Честь имею тебе объявить, что первый том «Островского» кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. К(ороткого). Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого ревматизма, от которого претерпел другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове. Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Печи их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятно, да и тебе легче — незаметным образом вырастет том, а там, поглядишь, и другой. Мой журнал остановился, потому что долго не приходило разрешения. Нынешний год он издаться не будет... Я и рад. К будущему успеху осмотреться и приготовиться, покамест буду жаться понемногу. Мою статую я еще не продал, но продам во что бы то ни стало. К лету будут у меня хлопоты... Я такого мнения, что Петербург был бы для тебя пристанью и ковчегом спасения. Скажи Варатынскому, что Смирдин в Москве и что я говорил с ним об издании «Полных стихотворений Евгения Варатынского». Я говорил о 8 и 10 тысячах, а Смирдин боялся, что Варатынский не согласится, следственно Варатынский может с ним сделаться; пускай он попробует. Что Вельтман? Каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай! 1832 года 2-го Октября, С.-П(етер)б(ург)»²¹. Письмо это требует некоторых пояснений. Во-первых, «Дубровский» назван в нем «Островским»²², а во-вторых, место о статуе совсем не относится к «Медному всаднику», как замечено в «Москвитянине» (1851, № 23) в выноске, а к действительной бронзовой статуе, которой владел Пушкин и собирался продать. Опера г. Вельтмана носила название, если не ошибаемся, — «Летняя ночь». Содержание автор заимствовал, вероятно, из известной пьесы Шекспира. Она писалась для молодого музыканта А. П. Есаулова, замечательным способностям которого отдают справедливость все знавшие его коротко. Пушкин сам принимал в нем живейшее участие, и мы думаем, что, несмотря на оперу г. Вельтмана, он для А. П. Есаулова начал свою «Русалку». Он хотел вывести в люди неизвестного композитора... Романическая жизнь А. П. Есаулова заслуживала бы описания. От него известен нам один только романс на слова Пушкина «Расставание» («В последний раз твой образ милый...»), свидетельствующий о глубине чувства, дарования автора и его познаниях в гармонии. Вероятно, об этом романсе Пушкин писал в Москву: «Что ж не присылаешь ты есауловского романса, исправленного во втором издании? Мы бы его в моду пустили между фрейлинами»²³. Не знаем, что помешало дальнейшему развитию и успехам музыканта, покровительствуемого Пушкиным. В письмах последнего, напечатанных в «Москвитянине» (1851), есть еще характеристика художника, неизвестно к кому относящаяся: «NN умирал с голоду и сходил с ума. SS и я — мы помогли ему деньгами скупю, увещаниями щедро. Теперь думаю отправить его в полк — камельмейстером. Он художник в душе и привычках, т. е. беспечен, нерешителен, ленив, горд и легкомыслен, предпочитает всему независимость. Но ведь и нищий независимее поденщика. Я ему ставлю в пример немецких гениев, преодолевших столько горя, дабы добиться славы и куска хлеба...»²⁴

но. — В сентябре прибывает в Казань. — А. А. Фукс. — Сведения, сообщенные ею о пребывании Пушкина в Казани. — Портрет Каменева. — Выезд из Казани и путь в Оренбург. — Пребывание в Оренбурге, Дале, Пьянов, еще сведения об Есаулове. — Пушкин выезжает из Оренбурга 25 сентября и 2 октября является опять в Болдино. — Месяц творческой деятельности в Болдине. — Новый и последний вид творчества.

Мы видели, что с дачи своей на Черной речке, где, между прочим, написан был 26 июня «Странник» («Однажды, странствуя...»), к которому скоро возвратимся¹, Пушкин просил позволения ехать в отпуск, в Казань и Оренбург. Он получил разрешение на поездку 12-го августа², но начал свое путешествие, кажется, с Дерпта, где тогда жила К. А. К(арамзин)а³. В конце этого месяца мы уже находим его в Нижегородской губернии, в селе Болдине⁴, откуда он и предпринял дальнейшее путешествие по губерниям. 6-го сентября Александр Сергеевич прибыл в Казань и на другой день рано утром отправился за 10 верст от города к Троицкой мельнице, где Пугачев стоял лагерем, а вечером посетил купца Крупеникова, бывшего в плену у самозванца. А. А. Фукс, супруга К. Ф. Фукса, замечательного человека, оставившего такую благодарную память по себе в Казани, рассказала нам пребывание Пушкина в городе и в ее доме («Казанские ведомости», 1844 г., № 2). Пушкин говорил с ней о значении магнетизма, которому верил вполне, передал анекдот о сделанном ему предсказании одной гадалщицей в Петербурге, разбирал и оценивал современных ему литераторов и людей, прибавив по обыкновению: «Смотрите, чтоб все осталось между нами — сегодня была моя исповедь». Он хвалил также стихи самой козяйки и, как будто скучая заботами, сопряженными с ученым трудом, заметил: «Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернилы». Всего замечательнее, что он два раза возвращался к портрету Гаврилы Петровича Каменева, находившемуся в кабинете козяйки, и просил сведений о нем, обещаясь написать его биографию: «Это замечательный человек, — сказал он, — и сделал бы многое, ежели бы не умер так рано. Он первый отступил от классицизма, и мы, русские романтики, обязаны ему благодарностью»⁵. Известно, что означали эпитеты классический и романтический у Пушкина. С живою благодарностию покинул он и Казань, и семейство Фукса. На другой день, 8-го сентября, он до света еще уехал в Симбирск и 12-го числа был в селе Языкове (Симбирской губернии), принадлежащем поэту Н. М. Языкову. 14-го числа выехал он из Симбирска по направлению к Оренбургу и возвратился опять назад с третьей станции, выбрав другой тракт для путешествия, чему причиною была

случайная задержка в лошадях. Заяц, перебежавший ему дорогу и которого, по его словам, хотелось бы ему затравить на месте, — накликал ему эту помеху⁶. 19-го сентября прибыл он в Оренбург. Там останавливался он, как мы слышали, в доме самого генерал-губернатора и вместе с В. И. Далем объехал Оренбургскую линию крепостей, ища везде живых преданий и свидетельства очевидцев⁷. Подобно тому как он провел полтора часа у купца Крупеникова в Казани, так в Оренбургской губернии он разговаривал со стариком Дмитрием Пьяновым, сыном того Пьянова, о котором упоминается в «Истории Пугачевского бунта»; а в селении Берды встретил старую казачку, помнившую происшествия того времени очень живо. Он пишет, что чуть-чуть в нее не влюбился, несмотря на малопривлекательную наружность⁸. В Уральске Пушкин был принят с необычайным радушием всем обществом города, соединившимся в одном обеде, данном в честь поэта. 23-го выехал он из Оренбурга и через Саратов и Пензу возвратился в Болдино, где был 2-го октября. Таким образом, на поездку в Оренбург, на тамошние исследования и на возвращение к себе в Нижегородскую губернию Пушкин употребил не более одного месяца. С начала октября до самого ноября месяца Пушкин уже не оставлял деревни и 28-го числа последнего месяца прибыл в С.-Петербург к месту служения, как обозначено в его формуляре. В этот промежуток времени написано им в глухом уединении Болдина несколько произведений, которые по характеру своему составляют новый вид творчества, в каком уже застала его и смерть*.

ГЛАВА XXXIII

Деятельность в Болдино 1833 г. Окончание «Медного всадника», «Родословной моего героя», «Сказки о рыбаке», «Песен западных славян». Новое и последнее направление музыки Пушкина: «Сказка о рыбаке и рыбке». — «Медный всадник» кончен в Болдино 1833 г. — «История Пугачевского бунта» довершена там же. — Окончание «Песен западных славян» в эту же эпоху. — История происхождения «Песен»; книга Мерише, ее определение. — Источники песен Мерише. — Песни, заимствованные у Мерише Пушкиным. — Как Пушкин передавал его текст. — Французский текст пьесы «Конь»; три французские куплета из похоронной песни Маглановича. — Песни, заимствованные у Вука Стефановича и других источников. — Отрывок из 17 сербской песни: «Что беднее на горе зеленой...». — Развитие эпической стороны пушкинского таланта в эту эпоху. — «Родословная моего героя» и «Медный всадник» — части одной поэмы. — Общее начало обеих; различные редакции этого начала. — Личность Евгения в «Медном всаднике». — Стихи, выпущенные из

* Еще с дороги восвояси Пушкин писал в Петербург: «Рифмы и стихи не дают мне покоя в кибитке. Что же будет, когда очучусь дома и в постеле?»